

3(16) ЯНВАРЯ 1918 года В. И. Ленин заявил: «Мы переживаем, может быть, один из критических периодов революции, когда Советской власти грозит и внешний враг — империалисты немецкие и другие стран, и враг внутренний — контрреволюция, притаившаяся также за лозунгом «вся власть Учредительному собранию».

Ленин настойчиво разъяснял массам, что перед ними стоит суровая и великая задача: «Советы, разжигая пожар революции, повелительно диктуют народу: — борись, бери в свои руки все и организуйся!» (курсив мой. — Г. Ф.). Революционный народ не имеет права сделать «ни шагу назад» (курсив мой. — Г. Ф.). Ибо перед Россией стоит дилемма: «Либо победа в гражданской войне над эксплуататорами, либо гибель революции».

Именно в этой обстановке — в дни, которые Ленин назвал одним «из критических периодов революции», — задумывалась и создавалась великим национальным поэтом Александром Блоком поэма «Двенадцать». И не случайно звучит в произведении тот же призыв: «ни шагу назад», тот же повелительный и властный лозунг, обращенный к народу: «организуйся!», встает перед нашими глазами тот же образ пылающего на весь мир, освещающего дорогу человечеству «пожара революции».

В первой главке «Двенадцати» прямо и недвусмысленно обозначены время и место действия — холодный, морозный и ветренный январский петроградский вечер. Учредительное собрание уже распущено новой, подлинно народной Советской властью. Но с улиц еще не убраны волнующие ветром полотнища, напоминающие о недавней деятельности и бесславном конце «российского парламента». Представители старого мира — барыня, буржуй, поп, витии и ораторы буржуазных партий — оплакивают гибель Учредительного собрания, как оплакивала его в своих стихах Зинаида Гиппиус. Автор же «Двенадцати» ясно и твердо знал: ветра истории, который «рвет, мнет и носит большой плакат: «Вся власть Учредительному Собранию», не следует пугаться. Ибо ветер истории (как сказано в первой главке «Двенадцати») — «веселый ветер». Хороня то, что навсегда осуждено и созрело для гибели, ветер этот несет России и человечеству музыку Революции — весть о рождении нового мира. Его борцами и провозвестниками и являются герои поэмы Блока — двенадцать красногвардейцев, мужественно и беззаветно смело взявших на себя трудную и ответственную историческую

роль стражей революционного порядка, апостолов Октября. Сюжет поэмы «Двенадцать» предельно прост. Но при необычайной простоте внешних очертаний и свойственном поэме удивительном лаконизме в ней, пользуясь словами Гоголя, — «бездна пространства». Реальные образы вполне конкретных людей и событий обретают под пером поэта предельную символическую сгущенность и выразительность.

Знаменательно самое название поэмы. Ибо герой ее — охраняющий город от грабежей, анархии, от внешнего и внутреннего врага отряд красногвардейцев, олицетворяющий Народ, Массы, Революцию. И

как энциклопедию либерального ренегатства, призывали самодержавие охранить страну своими штыками от народного гнева. Позиция Блока уже в эти годы была полярно противоположной.

Каждый, кто был способен «ухо приложить к земле», кто был в силах отрешиться от «красивых уютов» и «обманов» старого мира — так твердо считал Блок, — уже давно не мог не знать, что ветер истории предвещает бурю, что Россия и человечество стоят на пороге новой эры своего существования. И вот теперь порывы ветра истории слились в один неукротимый порыв, сметающий все на сво-

революционной работе по охране и созиданию новой России, созданной Октябрем.

Вот почему и в «Двенадцати» ветер, бушующий на улице революционного Петрограда, «мировой пожар» революции и ритм торжественного, «державного» шага отряда красногвардейцев, охраняющих город от врага, сливаются в единое ритмическое движение, зовущее вперед. В разбушевавшемся гуле ветров природы и истории поэт приглашает нас слушать разлив торжествующей, великой, победоносной музыки Революции.

«...Человек пришел в движение... — писал Блок год спустя после создания «Двенадца-

ту» Петруху музыка Революции призывает подняться над безысходной путаницей личных мечтаний и страстей, победить в себе страх и сомнения, стать мужественным, твердым борцом революции:

— Шаг держи революционный!
Близок враг неугомонный!
Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

Важно подчеркнуть и другой оттенок смысла поэмы: Катя погибает в ней от руки красногвардейца Петра. Но нравственно погубил ее старый мир, представитель которого в поэме — Ванька, враг Октября, и именно он несет вину за гибель Кати. Петруха же выступает в «Двенадцати» как носитель исторического Возмездия за грехи старого мира. В этом — оправдание его отчаянного и трагического поступка, тяжелого срыва, который он преодолевает духовно под влиянием товарищей и вину за который искупает, приобщаясь к великому чувству исторической ответственности за судьбы России, за судьбы революции.

Поэма «Двенадцать» — высший взлет поэтического гения Блока. В дни, когда враги молодой Советской республики обвиняли народ в том, что он способен лишь к разрушению, Блок воспел в «Двенадцати» революцию как великую творческую, созидательную силу. Поэт не только осудил вместе с самой историей старый мир. Он гениально смог увидеть, что в революционной энергии масс, разбуженных революцией, таится великая сила самоорганизации и дисциплины. Революция — по Блоку — сестра поэзии: обе они побеждают хаос, творя из него космос, создают новый мировой порядок.

Через два года после создания поэмы Блок писал о юношеском романе Лермонтова «Вадим» из эпохи пугачевщины: «Лермонтов, как свойственно большому художнику, относится к революции без всякой излишней чувствительности, не закрывает глаз на ее темные стороны, видит в ней историческую необходимость». И укаывая тут же, что в конце фрагмента лермонтовского романа представлена расправа пугачевцев с «девушкой и стариком, отцом ее — виновными лишь в том, что они — дворяне», Блок замечает: «...но ни из чего не видно, чтобы отдельные преступления заставляли его (Лермонтова. — Г. Ф.) забыть об историческом смысле революции: признак высокой культуры». Эти слова Блок, без сомнения, писал, имея в виду не одного Лермонтова, но и себя, и свое отношение к революции, отразившееся в «Двенадцати».

Блок относился к революции «без всякой излишней чувствительности», он прекрасно сознавал глубокую правоту и историческую необходимость Октября. Забыть об историческом смысле революции, какие бы трудности ни были с ней сопряжены в жизни отдельного человека (в том числе самого поэта), значило, по Блоку, изменить высокой поэтической, нравственной и гражданской культуре, свойственной Пушкину и Лермонтову, достойным наследником и продолжателем которых чувствовал себя Блок — создатель поэмы «Двенадцать», этой высочайшей вершины мировой революционной поэзии XX века.

2207 К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Г. ФРИДЛЕНДЕР, доктор филологических наук

«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕРЖИТЕ ШАГ...»

эти двенадцать человек в поэме Блока составляют единый революционный отряд. Но при этом они отнюдь не безлики, не «все на одно лицо», как часто представлялось в то время даже весьма образованным людям, привыкшим ставить себя над массами, смотреть на них снисходительно, сверху вниз. Люди, творившие Октябрьскую революцию, по Блоку, — обыкновенные, земные люди. Им свойственно «все человеческое» — взлеты и падения, личное горе и радость, страсти и заблуждения... Но именно поэтому-то они и телесно, и духовно воплощают для Блока живую стихию национально-народной России.

Уже со времен революции 1905—1907 годов между Блоком и теми наиболее влиятельными русскими литераторами-символистами, которые претендовали на роль идейных вождей русской буржуазно-либеральной интеллигенции начала XX века, образовалась глубокая трещина, которая в последнее десятилетие постоянно продолжала расти и углубляться.

Д. Мережковский и З. Гиппиус увидели в первой русской революции предвестие торжества «грядущего хама». Деятели религиозно-философского общества стремились противопоставить реальной пролетарско-крестьянской революции мистическую «революцию духа». В 1909 году влиятельные кадетские публицисты, авторы известного сборника «Вехи», который В. И. Ленин оценил

как «мирового пожара»:

Ветер, ветер
На всем божьем свете!

И ветер этот — и в этом Блок был твердо уверен — не налетел внезапно, вдруг, не возник неизвестно откуда. Россия давно была чревата Будущим, и исторически закономерный, долгожданный, неизбежный час рождения этого Будущего наконец наступил.

В писавшейся одновременно с «Двенадцатью» статье «Интеллигенция и революция» Блок дал, как и в самой поэме, страстный отпор той части старой буржуазной интеллигенции, которая в победе Советской власти увидела «гибель России».

«России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и — по-новому — великой... Мы, русские, переживаем эпоху, имеющую не много равных себе по величию».

Величественно и просто Блок формулировал те цели, осуществление которых взяла на себя новая, Советская Россия:

«Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью».

И Блок призывал честную русскую интеллигенцию «всем телом, всем сердцем, всем сознанием» слушать музыку Революции — освободиться от робости и боязни перед народом, твердо занять место в

«мировом пожаре»:

Ветер, ветер
На всем божьем свете!

Если треплемый ветром плакат «Вся власть Учредительному Собранию», равно как и толпящиеся около него, оплакивающие этот исторический мрак представители старого мира, символизируют в «Двенадцати» то, что навсегда осталось позади и что не заслуживает лучшей участи, то двенадцать красногвардейцев, совершающие обход города, не смущаемые ничем, идут смело и бесстрашно в ту историческую даль, за которой скрывается будущее. И «державный шаг» их никем не может быть остановлен, ибо в державной поступи революционного народа воплощены победоносные разум и воля русской и мировой истории.

Революция — по Блоку — не только хоронит то, что осуждено историей. Она — и это не менее важно — облагораживает и очищает также само новое, способствует его нравственному росту и возвышению. «Черная злоба», скрытая в груди миллионов, — злоба, направленная против зла и насилия, старого мира, — перегорая в огне «мирового пожара», превращается в высокое и святое чувство общей ответственности за дело революции, солидарности в борьбе, способствует рождению нового человека. Пережившего тягелую личную драму, «бедного убий-

209